

ОРИАНА  
РАМУННО

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ  
РИСОВАЛ ТЕНИ



Санкт-Петербург

УДК 821.131.1  
ББК 84(4Ита)-44  
Р 21

Oriana Ramunno  
IL BAMBINO CHE DISEGNAVA LE OMBRE  
Copyright © Oriana Ramunno, 2021  
This edition published in agreement with the author represented  
by Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency (PNLA)  
All rights reserved

Перевод с итальянского Светланы Резник

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-24817-5

© С. В. Резник, перевод, 2024  
© Издание на русском языке,  
оформление.  
ООО «Издательская Группа  
„Азбука-Аттикус“», 2024  
Издательство Азбука®

## АВТОР И ПРЕССА О РОМАНЕ

В восемнадцать лет я узнала, что мой двоюродный дед побывал в концлагере.

Людям нашего поколения он об этом не рассказывал. Не хотел вспоминать. Я только замечала, что он не любит фильмы о концлагерях, — он всегда переключал канал.

Когда он впервые поделился со мной своей историей, на глаза у него наворачивались слезы, а голос дрожал; он наконец согласился все рассказать, потому что я готовилась защищать школьный диплом. Я решила писать о Холокосте и хотела взять интервью у человека, который испытал ужасы войны на собственной шкуре. Так я и узнала о концентрационном лагере Флоссенбург — о долгой дороге туда, о том, как моему двоюродному деду приходилось питаться сырым мясом животных, погибших под бомбежками, и о тех спутниках, которых он потерял в дороге. А потом и о его переводе из Флоссенбурга в лагерь смерти за то, что передразнивал Гитлера, не сообразив, что на него могут настучать. «Там я не видел людей — только блуждающие тени, — говорит его скрипучий голос на пленочной записи. — Это было чудовищно».

Помимо мучительных историй о голоде, смерти и издевательствах мелькала и искра света: дед рассказал мне о немецких офицерах, которые тайком пытались помочь. В его памяти особенно отчетливо запечатлелся один, некий Михель по прозвищу Восемь Детей, — его улыбка, его доброта и те уловки, к которым он прибегал, чтобы облегчить заключенным жизнь.

В тот солнечный день, когда я записывала эти драгоценные воспоминания, и родился роман, который я написала двадцать лет спустя. В тот день я поняла, что должна взглянуть на Историю другими глазами — копать, искать, исследовать. В университете у меня было два курса по истории Холокоста — так я смогла подойти к теме с научных позиций и получить доступ к источникам. И с этого началось мое стран-

ствие — а изучала я не только концлагеря, Холокост и нацизм, но также немецкое Сопротивление и историю его мучеников (об этом все как-то забывают). В конце концов судьба привела меня в Берлин, где я поселилась и где мое странствие обрело второе дыхание. Этот роман создавался по любви, вызревал во мне годами и увидел свет, когда были готовы и он, и я.

*Ориана Рамунно, из предисловия  
к англоязычному изданию*

На редкость умный детектив с трогательными персонажами. Написано великолепно — картины, звуки, запахи оживают и пробирают до костей... Читаешь — и невозможно отделаться от мысли: «Что есть справедливое воздаяние за убийство негодяя? Можно ли что-то изменить в мире, который слетел с катушек?»

*Historical Novel Society*

Пронзительный роман... детектив, который раздвигает границы жанра.

*The Times*

Детектив с безупречно выписанным расследованием, точно — и отважно, если иметь в виду, где происходит действие, — переданным историческим фоном и очень живыми персонажами. Рекомендую от всей души.

*AnnaMariaPierdomenico.it*

Четко выстроенный, замысловатый детективный триллер, который что-то дает читателю — и тут же отнимает, подсказывает гипотезы и творит иллюзии, которые разрешатся лишь на последних страницах. Этот роман ощущается как удар под дых — и ты не можешь вздохнуть. Рамунно вталкивает нас в самый эпицентр ада, в глаз эмоциональной бури. От этой мощной истории кружится голова. Зверство и неопишное насилие, полное отсутствие морали, совести и сопереживания, как ни странно, соседствуют здесь с красотой человеческой души. Да, Ориана Рамунно написала роман о Холокосте — и при этом закрученный триллер. И да, это возможно.

*Leggere in Silenzio*

Есть книги, которые не просто оставляют след. Книги, которые рассказывают не просто историю, но Историю. Роман Орианы Рамунно — абсолютный шедевр, тонкий и эмпатичный. Эту книгу надо читать, над ней надо размышлять, ее надо лелеять и рекомендовать всем подряд. Детективный сюжет захватит самого требовательного читателя, которому вместе с героями придется вычислять и орудие убийства, и способ убийства, и личность убийцы. Блестящая работа.

*MilanoNera*

Здесь закрученная интрига переплетается с историей Освенцима — внятный, стройный, полный внезапных поворотов сюжет, который не раскроется до последних страниц. Мастерски написанный детектив об уголовном расследовании там, где человечество совершило самое страшное свое преступление.

*Il SegnaLibro di Deborah*

Закрученный, прекрасно выписанный и динамичный детектив на страшном историческом фоне, глубокая и напряженная книга, к которой будешь возвращаться снова и снова.

*Un tè con la Palma*

Один из лучших романов года, безупречно выстроенный, самобытный и достоверный, блестяще написанный — свежо, точно, поэтично и без экивоков, — и с живыми, неизменно подлинными персонажами. Bravo.

*Ravenna ed Intorni*

Многие книги остаются в памяти, но некоторые заходят еще дальше. Здесь дело не только в поисках истины — герои (и мы вместе с ними) ищут надежду в чернейшем историческом периоде, и на каждой странице перед нами раскрывается сложность человеческих душ, которые среди снегов, казалось бы, все одинаковы, но под толстой коркой льда скрывают глубокие эмоции и воспоминания. Эта книга давит на нас огромным одиночеством, но в итоге помогает нам почувствовать, что мы ближе друг к другу, чем нам порою кажется.

*Thriller Café*

Ориана Рамунно деликатно, но решительно переносит нас в прошлое, в один из чернейших периодов истории человечества. Эта история проникнет в душу, разорвет ее на части и останется с вами навсегда. Это книга для тех, кто любит исторические романы, и для тех, кто ценит закрученный детектив.

*SoloLibri.net*

Пронзительнейшая и непростая книга, которая останется с вами навсегда.

*Thriller Storici e Dintorni*

Душераздирающий, мастерски написанный роман, полный страшных подробностей, которые потрясают и перетряхивают душу.

*Septem Literary: Libri, Storia e Misteri*

Мастерство автора не только в обращении с источниками и показаниями свидетелей. Весь роман строится вокруг убийства в безмолвных стенах, где обитает сама смерть. В романе звенит неотступный ритм, напряжение нарастает и не отпускает, тащит за собой до последней страницы. Захватывающая история, прекрасно выстроенный детектив — попросту забываемая книга.

*Libri e Recensione*

Мощнейшая история, полная праведного гнева.

*SHOTS Magazine*

Блестяще написанный роман... Рамунно не скупится на подробности. Главный герой — необычная фигура, и детективная линия выписана прекрасно.

*She Reads Novels*

## ПРОЛОГ

*Аушвиц, 21 декабря 1943 года*

«Айн, цвай!»

Йоиль по-немецки считал шаги, отделявшие спальни от врачебных кабинетов. Стук подошв об пол метался между стылými стенами, эхом отражался от потолка, призрачно-голубого в свете ламп.

«Драй, фир!»

Он прыгнул и, крепко сжимая в руке альбом для рисования, оказался у единственного в коридоре окна. Все окна блока № 10 были заколочены толстыми деревянными досками. Все, кроме этого. Отсюда виднелась аллея с голыми, заснеженными березами, колючая проволока, поблескивающая под фонарями, а вдалеке — деревенский домик, из трубы которого валил дым.

Йоиль привстал на цыпочки.

Снег настырно барабанил в стекло. Вдоволь наустачавшись, ледяные комочки возвращались к аллее, чтобы засыпать и ее, и деревья, и клумбы, и бараки, и вышки охранников. Йоиль разглядел в сторожевой будке неподвижного солдата

и плотные облачка его горячего дыхания, таявшие в воздухе. Казалось, человек на морозе дрожит как осиновый лист перед своим черным пулеметом. Йоиллю стало интересно, не мечтает ли охранник о чашке крепкого бульона, потрескивающем камине и семье, собравшейся у очага.

Он вприпрыжку побежал дальше.

«Фюнф, зэкс!»

Перед кабинетом дяди Менгеле Йоиль остановился и подергал ручку. Оказалось, дверь заперта, лишь дрогнули жалюзи, глухо защелкав по стеклу.

Там, над столом, рядом с коллекцией глазных яблок, висели его рисунки. Ему не нужно было заходить внутрь, чтобы их увидеть: всю обстановку он знал как свои пять пальцев. Менгеле позволял Йоиллю гулять где вздумается, даже заходить в кабинет, и вообще относился к нему иначе, чем к остальным детям. Например, разрешал рисовать, везде развешивал его картинки, дарил их медсестрам и с неподдельной гордостью показывал другим ээсовцам.

Когда художница из Биркенау пришла зарисовывать близнецов, Йоиль с открытым ртом наблюдал за ее работой. Его очаровало то, как из хитросплетения карандашных черточек вдруг, словно живые, проглядывали глаза, обретали форму лица. Дина рисовала лучше всех, с кем когда-либо сталкивался Йоиль. Выпросив листок бумаги и обломок уголька, он нарисовал дорожку, веду-



щую к кухням. Одна из медсестер повесила этот набросок на стену. Дядя Менгеле сначала нахмурился, потом пригляделся и расплылся в невыразительной, но довольной улыбке. После обеда он принес альбом и коробку карандашей «Лира». Еще никогда в жизни у Йоиля не было таких дорогих карандашей. С тех пор их крыло блока № 10 постепенно наполнилось его рисунками.

«Зибен, ахт!»

Он поскакал дальше, оставив кабинет Менгеле позади.

Коридор был длинным и темным. Обитатели блока боялись этого места. Двери по обеим сторонам распахивались, словно голодные пасти, и с проглоченными людьми происходило нечто чудовищное. Временами из-за дверей доносились жуткие крики. Еще больше пугали ночные шепотки, тяжелые шаги, напоминавшие глухой бой часов, и стоны, от которых по спине бежали мурашки. Кое-кто утверждал, будто это призраки умерших во врачебных кабинетах. Блок кишел призраками. Их можно было увидеть по ночам, когда эти создания в молочно-белых саванах скользили вдоль стен или елозили по оконным стеклам, ни с того ни с сего покрывавшимся испариной. Или их присутствие замечали по мерцанию лампочек. А лампочки в блоке мерцали постоянно.

Йоиль собрался с духом.

«Нойн».

И замер перед раскрытой настежь дверью. Внутри было темно, если не считать слабенького свечения в глубине комнаты. Проем черным глазом пристально уставился на Йоиля. Подняв взгляд, тот в полумраке прочитал надпись на табличке у дверного косяка: «Сигизмунд Браун».

Вдруг дверь со зловещим скрипом пришла в движение. Наверное, виной тому был сквозняк из приоткрытого окна, но Йоиль не мог отделаться от мысли, что истории о привидениях все-таки правда. Он крепче прижал к груди альбом, стараясь заглушить стук сердца. Однако, вместо того чтобы развернуться и удрать, отважно сунул нос в чернильную темноту лаборатории.

Пока они ехали в поезде, мать, слыша, что он заговаривает с эсэсовцами в надежде подтянуть свой немецкий, частенько приговаривала: «Йоиль, Йоиль, слишком уж ты у меня бойкий и любознательный, не доведет тебя это до добра».

Но с тех пор, как они прибыли в лагерь, именно живой ум, любопытство и некий природный дар, отличавший Йоиля от других близнецов, в том числе от его брата Габриэля, спасали ему жизнь и приносили дары в виде шоколадок, кубиков рафинада, а то и старенькой игрушки. Он с Габриэлем и немногими избранными жил в блоке № 10, а не в бараках Биркенау, грязных, тесных и завшивленных, как ему рассказывали. Йоиль и Габриэль носили домашнюю, прежнюю одежду,

им не приходилось ежедневно шлепать пешком несколько километров до лабораторий Аушвица, где их измеряли и обследовали. «Разве это не добро?» — размышлял Йоиль.

«Цейн!»

Собрав всю волю в кулак, он сделал шаг и героически пересек границу, отделявшую сумрак коридора от черноты кабинета. Словно прыгнул в колодезь. Внутри было темно, хоть глаз выколи.

Нашарив выключатель, Йоиль щелкнул тумблером. Комнату залил холодный свет, такой яркий, что пришлось тереть глаза, прежде чем что-то стало видно. Приставив ладонь козырьком ко лбу, Йоиль огляделся. Кабинет ничем не отличался от прочих в блоке. Моргающая лампочка осветила обычные белые кафельные стены и гранитный пол. Взгляд пробежал по железным каталкам, странным приборам, покрытым плиткой лабораторным столам и остановился на шкафчиках, набитых лекарствами, на сияющей раковине и фотографии фюрера, смотревшего на Йоиля неодобрительно.

Окно было открыто, однако в воздухе висел странный запах. Не антисептика и не формалина, с помощью которого врачи консервировали свои находки. Йоилю показалось, что он уже чуял где-то этот запах. Не только здесь, в лагере, но и у себя дома, в Болонье. Неуловимое воспоминание сдавило сердце тоской, Йоилю стало грустно.

Он тихонько вышел на середину комнаты.

Кое-где в щелях между кафелем чернела засохшая кровь. На полках стояли стеклянные банки — там плавали почки, сердце и мозг. Еще зародыш, свернувшийся клубочком, точно в животе у своей мамочки; рядом стояла корзинка с красными яблоками. Йоиллю тут же захотелось есть.

Он огляделся в поисках стула, чтобы влезть на него и взять яблоко, но тут его внимание отвлекла смежная комната, откуда и исходило слабое медовое свечение.

Йоиль пошел туда.

Настольная лампа под витражным абажуром отбрасывала на стены разноцветные блики. Слышалось какое-то жужжание, похожее на потрескивание электрических разрядов. Ритмичный, хрусткий, непрерывный шум словно наполнял собой пространство. Йоиль осмотрелся. Письменный стол, микроскопы, бархатные кресла, часы с маятником, книжный шкаф. В углу — невыключенный граммофон. Пластинка вращалась, однако игла давно добралась до конца дорожки, и из медного раструба не доносилось ничего, кроме того самого жужжания беспокойной мухи.

На полу валялся огрызок яблока. Откуда он здесь? Тут сердце мальчика едва не дало сбой. Между письменным столом и рождественской елкой что-то белело. Лабораторный халат, брошенный в угол.

«Привидения носят белые саваны...» — подумал Йоиль.

Он хотел было дать деру, но что-то его удержало: ноги точно приросли к полу. Сердце бешено стучало, пульс отдавался даже в кончиках пальцев. Не-ет, это был не просто брошенный на пол халат. Это был халат с человеком внутри.

Йоиль сразу узнал его. Рукава у Сигизмунда Брауна были закатаны до локтей, словно он только что кончил работу, бирюзовые глаза вытаращены, рот разинут в безмолвном крике, язык вывалился наружу, точно у эсэсовских овчарок, когда им хотелось пить. На высоком лбу с залысынами лиловела шишка.

На цыпочках подкравшись к доктору, Йоиль потряс его за плечо. Тот не пошевелился. Доктор Браун был мертвее мертвого.

Йоиль по-турецки уселся напротив него, облизал пересохшие губы и положил на колени альбом. Руки тряслись, в горле застрял горячий ком, но Йоиль не мог устоять перед искушением создать свой непревзойденный шедевр: портрет мертвого герра Брауна.

# 1

*Сортировочная станция Юденрампе,  
23 декабря 1943 года*

Ослепительные лучи фар раскроили тьму, покрывавшую сельскую железнодорожную станцию, и осветили платформу.

Гуго Фишер выбрался из машины, тяжело опираясь на трость. Сухой снег скрипел под сапогами. Рельсы визжали под тяжестью приближающегося состава. Его резкое долгое шипение начало стихать, теряясь где-то в березняках, росших вдоль путей. Фыркнув последний раз и выпустив облачко дыма, локомотив остановился. Оттуда выпрыгнул эсэсовец; полы его черного кожаного плаща взметнулись крыльями коршуна.

Гуго вздохнул, и воздух перед глазами сгустился в молочное облачко. В отдалении, на фоне ночного неба висело похожее облачко, только желтоватое. И запах. Именно такой, о каком рассказывали в Берлине. Сладковатый, едкий, напоминающий о подгоревшем жарком.

Гуго сунул в рот сигарету, сжал губами фильтр и защелкал бензиновой зажигалкой, косясь на эсэсовца. Тот ответил взглядом, ясно говорив-

шим: «Кому какое дело?» Лицо неподвижно стоявшего навтыяжку унтера покраснело и перекисло от холода. Здесь, на морозе, кусавшемся хуже бешеной собаки, все закрывали глаза на ненависть фюрера к курению.

Сигарета вспыхнула неожиданно ярко. Вкус табака защипал язык и заслонил собой пропитавшую окрестности горечь, которую не мог скрыть даже снег. Гуго с удовольствием выдохнул, полностью освобождая легкие. Где-то невдалеке заскулила овчарка, натянув поводок.

Сделав новую затяжку, он облокотился о крыло «мерседеса», давая отдых больной спине. Позавчера его разбудила боль в нижней части позвоночника, и рука онемела до кончиков большого и указательного пальцев: в плоть точно воткнули булавки, а под кожей ползали тысячи муравьев. Из-за них он не чувствовал того, к чему прикасался, и предметы валялись из рук.

Гуго знал, что острая стадия скоро закончится, но неспособность нормально ощущать окружающий мир и его материальность, взаимодействовать с ней повергала его в отчаяние. Так происходило с каждым рецидивом. На очередном витке болезнь пожирала новые кусочки спинного и головного мозга, добавляя свежие симптомы, будто нарезала дорожку на грампластинке. Вот только музыка, записанная на ней, была какофонией. Организм ждал, что его кто-то починит. Потом боль отпускала и худшее оставалось позади.

Однако онемевшая нога оставалась неисправимым дефектом. Врачи заявили, что нервная система сильно поражена и уже не восстановится. Временами нога казалась Гуго мельничным жерновом. Он предпочел бы отрезать эту ногу и бросить собакам, чтобы те сгрызли ее без остатка, — лучше так, чем и дальше таскать ее за собой. Увы, нога никуда не исчезала, она намертво прилепилась к его телу — фантомный придаток, больше не подчиняющийся командам.

Гуго сунул руку в карман пальто. Легкое позвякивание пузырька с морфином на секунду принесло ему облегчение. Всякий раз, когда накачивала боль, кожа покрывалась липким потом, а вены ритмично пульсировали, то набухая, то сжимаясь. Гуго делался невыносимо сварливым; ожидание момента, когда можно будет воткнуть иглу в вену, растягивалось до бесконечности, усиливая нервозность. Со временем Гуго заметил, что простое наличие флакончика морфия в кармане помогает успокоиться. Это был единственный способ заранее не трястись от ужаса.

Он разжал пальцы и вытащил руку из кармана. Поднял воротник пальто, прикрывая потную шею от пронизывающего холода, слегка опустил поля шляпы, еще раз жадно затянулся, лишь бы не думать о боли, и бросил взгляд на шофера, оставшегося в теплой машине. Везет же некоторым.



Гуго осмотрелся. Полотно перрона, уходившего куда-то в темноту, вычистили, но снежок успел вновь покрыть гравий белой хрусткой крупкой. С неба срывались редкие снежинки. Грузовики, пикапы, каски, мокрая форма солдат, выстроившихся в ожидании поезда, блестели в свете фар. Собаки тоже были тут как тут. Они возбужденно визжали и взирали.

В решетки запертых вагонов вцепились десятки рук. Длинные, тонкие и грязные пальцы напоминали шевелящихся выползков.

— *Eau!* — донеслось изнутри.

На крик никто не отреагировал. Тогда тот же голос попробовал повторить по-немецки с сильным акцентом:

— Воды! Пожалуйста, воды!

Гуго сглотнул дым. Сердце неровно застучало, пропустив удар: неприятная аритмия.

Он был не из тех, кто легко поддается эмоциям. За три года сотрудничества с уголовной полицией ему случалось видеть всякое: обезображенные тела, изнасилованных и убитых женщин, задушенных или зверски кастрированных мужчин, свежие трупы и трупы разложившиеся, раздутые от газов, дерьма и червей. В первое время ему случалось блевать и видеть по ночам кошмары, какие пугают детей. Потом он привык.

«Я не склонен поддаваться эмоциям», — напомнил он себе, перекатывая в губах сигарету,

чтобы табак забил едкую вонь, окутавшую станцию. Тем не менее Гуго предчувствовал, что вот-вот столкнется с тем, к чему его не готовили ни жизнь, ни Артур Небе — начальник Пятого управления РСХА. Оно уже стояло в воздухе, спрессованном, как снежок в ладони, в запахе мясной гари, волнами пробивавшемся сквозь тлевшую сигарету.

Сомнений не было. В крематориях действительно жгли мясо, как шептались в берлинских кабинетах. В коридорах Принц-Альбрехтштрассе или в новой штаб-квартире на Вердершер-Маркт говорили о Заксенхаузене и о Дахау, но ничто не могло сравниться с Аушвицем. Болтали, будто болезни и топорные методы работы «Мертвой головы» приводят к столь значительным потерям, что СС вынуждены сжигать трупы в самых современных крематориях, и густой дым затмевает солнце. Едва выпавший снег тут же покрывался тонким слоем пепла.

— Собак сюда! — рявкнул ээсовец, просматривавший список, и Гуго вздрогнул. — Приступаем к разгрузке! Тысяча штук!

Небо над вагонами для перевозки скота сделалось мучительно-темным. Овчарки щерились и рыли лапами снег. Их клыки блестели в свете фар. Любой бы остановился, услышав утробное рычание этих псов. Затянувшись напоследок, Гуго отбросил окурочек. Яркая искорка полетела в снег и погасла.

**Рамунно О.**

Р 21 Мальчик, который рисовал тени : роман / Ориана Рамунно ; пер. с ит. С. Резник. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-24817-5

Гуго Фишер, известный криминолог, приезжает проводить расследование. Под Рождество 1943 года. В Освенцим. Предыдущие десять лет Гуго провел в Берлине, где на происходящее в концлагерях в основном закрывали глаза: страшные слухи по городу, конечно, ходили, но разумные люди не станут верить слухам, правда? И теперь Гуго сталкивается с ужасом, к которому он, человек незлой и отнюдь не боец, совершенно не готов.

Между тем берлинское начальство интересуется одна-единственная смерть, случившаяся там, где смерть — страшная повседневность: найден мертвым врач, который ставил опыты на заключенных. И нашел его восьмилетний мальчик — подопытный доктора Йозефа Менгеле, юный талантливый художник, которому хватило мастерства и присутствия духа сразу зарисовать то, что он увидел. Еврейский ребенок из Болоньи, криминолог из берлинской уголовной полиции, которому есть что скрывать, — странный дуэт, расследующий странную смерть в страшном краю, — и целая толпа возможных подозреваемых, тоже скрывающих каждый свою тайну.

Ориана Рамунно написала детективный триллер на материале своих исследований Холокоста — невероятный, однако блестяще удавшийся ход. «Мальчик, который рисовал тени» — это «Мальчик в полосатой пижаме», если бы его написал Жан-Кристоф Гранже: напряженная детективная интрига, достоверный исторический фон, банальность зла и возможность противиться ему в тех краях, откуда давным-давно ушла надежда. Рамунно черпала материал в том числе из биографии своего двоюродного деда, побывавшего в лагере смерти и запомнившего, что даже в этом аду, даже среди надзирателей находились люди, которым хватало духу оставаться людьми и сопротивляться.

*Впервые на русском!*

УДК 821.131.1  
ББК 84(4Ит)44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ОРИАНА РАМУННО  
МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ РИСОВАЛ ТЕНИ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова  
Редактор Марина Козлова  
Художественный редактор Илья Кучма  
Технический редактор Валентина Дик  
Компьютерная верстка Елены Долгиной  
Корректоры Татьяна Бородулина, Ирина Игнатьева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.06.2024.  
Формат издания 60 × 88 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.  
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)  
Ақпараттық өнім белгісі  
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами  
в ООО «ИПК Парето-Принт».  
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.  
[www.pareto-print.ru](http://www.pareto-print.ru)



Y-RBD-33799-01-R